

ОСОЗНАНИЕ СОЛДАТАМИ ЧУЖДЫХ ИМ ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ (к разделам V, VI. VII)

Начавшийся в 1915 году процесс осознания солдатскими массами истинного смысла и чуждых трудящимся целей войны завершился в 1916 году твердой уверенностью, что солдат „зря проливает кровь“, что „война начата богатыми, чтоб народ выбить, а над остальными легче командовать“, что после войны придется снова „гнуть спину перед толстопузыми“. Солдаты уже понимают, что, раз „мы бараны бестолковые“, правительство будет продолжать войну до тех пор, пока не „догонят до той нормы сколько им надо истребить людей“. Они убеждены, что лишь буржуазии нужна война и выгодна победа, а простому народу необходим мир“. В то же время в солдатских массах нарастает уверенность в том, что сначала надо внутри России „сбросить кровопийцев со спины“ и тогда только можно кончить войну.

Вражды к немцам не осталось и следа. „Мы равные люди, что и они—пишет солдат 5 батареи 82-й артбригады.—У нас враги те, которые на десятикопеечной марке новой, также в Австрии и Германии“. (п. № 1 разд. VI). В 1916 году начинается братание на фронте¹⁾. Противники приветливо сходятся, угощают друг друга, вместе фотографируются и т. д. Братание—особенно в формах, развернувшихся после февральской революции,—быстро приводило к классовой солидарности солдат воюющих армий.

Поняв захватнический, империалистический характер войны, солдаты русской армии не только упорно твердят „долой войну“, но и подкрепляют свои слова делом. Начинаются отказы от наступлений, бунты и восстания в армии. Армия „разлагается“. Разложение армии в зимнюю кампанию 1916 года приняло грандиозные масштабы. Никакие репрессии, битье, порка, расстрелы не могли сделать армию послушной царской дворянско-буржуазной камарилье. Николай раз'езжал по войскам, „воодушевлял“ армию, обещал скорую победу, но даже лейб-гвардейцев не мог воодушевить император. („Государь... сказал—в скором времени победим врага, но только надоело уже нам побеждать“—иронически писал солдат Измайловского полка еще в декабре 15 года).

¹⁾ Отдельные визиты немецких солдат к русским и наоборот наблюдались и раньше (в 1915 г.).

1916 г.

№ 1.

ВАСИЛИЮ СЕМЕНОВУ.

гор. Казань.

Побывал на позиции хотя всего только 4 месяца, но я могу сказать, что от уверенности осталось очень немного. И это не потому, что я разочервался в русском солдате. Нет, солдат остался тот-же.

Он по прежнему, как принято говорить, беззаветно исполняет свой долг. Но мне думается, это исполнение ни в коем случае не может быть объяснение из чувства патриотизма или других подобных. Ведь все солдаты и их очень много, с которыми мне приходится встречаться, не видят в этой войне для себя никакой пользы, считают ее навязанной нам князьями, министрами. Их мнение о войне можно формулировать так:

Война эта бесполезна и единственная цель ее, — покласть как можно больше народа, чтобы с остальными князьям и министрам было легче расправляться. И вот, несмотря на такие мысли, этот солдат по приказанию офицера, которого он считает барином, идет в атаку, в штыки и кладет свою жизнь за тех князей, министров, которых он искренне ненавидит.

Человек, показывающий другому фигу в кармане, — на деле безпрекословно исполняет приказания этого другого. Быть может, он настолько забит, что уже не может пересилить. Как бы то ни было, но такой солдат не может считаться сознательным защитником родины. Правда, встречаются и среди них личности, не мирящиеся с таким положением, но с ними расправа короткая: полевой суд и смертная казнь через расстреливание.

Так в Царевском полку был расстрелян старший унтер-офицер (имевший 4, 3 и 2 степени Георгия) за то, что, не стерпев побоев, которым подверг его батальонный командир, дал последнему сдачи. Надеюсь, что более яркой иллюстрации ты не потребуешь. Надо думать, что если от кулака барина не спасают ни чин, ни ордена, то каково солдату, не имеющему ни того ни другого. С ним то уж и вовсе не церемонятся. Я тебе еще не писал происхождение на-

шего полковника, подвизающегося не только на ратном поле (от которого он во время боя находится верстах в 10), но и в обозе. Сей человек после похода является в обоз и заставляет подносить лошадям воду. Если они пьют, он бьет конюхов за то, что напоили; в другой раз делает обратное, т. е. бьет за то, что не напоили. Таким образом несчастные обозные никак не могут угодить на своего командира.

От этих расправ не спасают ни возраст, ни служебное положение.

Сергей Т.

Январь 1916 года.

41 Запасный Батальон 12 рота.

№ 2.

МАРИИ ПАВЛОВНЕ ПЕРЕВЕРЗЕВОЙ.

гор. Казань.

Получаю из дома письмо и такое неприятное,—невозможной становится жизнь. Заставляют работать на казенной работе без пальто. Тех, у которых еще остались рабочие руки, а за неимением рабочих, с одинокой женщины, если она имеет землю, то берут земельного налога. Крестьянину жизнь и так тягостна, хоть бросай, а тут какие то непредвиденные работы. Крестьянин уже все отдал—детей, скотину, хлеб, корм. А ему, бедному ничего, кроме того, что сзади кажут нагайку,—вот тебе награда, получай за то, что отдал все, что у тебя было, и еще вдобавок запугивают тюрьмой, если не будешь работать на казенные нужды и платить свой оброк за какой-то несчастный кусок земли, на котором куске он чуть не помирает с голоду. Хоть бы за два года ему дали маленькую награду за то, что у него на войне страдают два сына, которые пришли бы, если бы остались живы, те приступили бы к работе и начали вести свою прежнюю жизнь. Конечно крестьянину нужно земли, за которую в 1906 г. было пролито крови. А если он придет и здоровый, да у него не будет входа в свою семью, не будут здоровы жена, мать, дети; пришел, слава богу, защитник родины, доблестный воин, чудо-богатырь. Как где ни взглянешь в газетке, на какойнибудь осмушке табаку, на афишке,—езде читаешь, чудо-богатыри, доблестные воины, сражаются, защищают родину, убьют на поле брани—получишь царствие небесное, как все равно заповедь, будет хорошо, а когда и где—не знай. А вернулся домой—давай подать пока ты защищал родину, за это время жена копила податей, не могла работать без тебя с пятью ребятами. Пока был на войне, он был голодный, холодный, переносил всю тяжесть и

лишения, а пришел домой—там еще хуже: что было обвалилось разрушилось и потерялось.

Что хочешь, то и давай. Ну скажите пожалуйста, от кого идут эти источники, распоряжения? Конечно, я человек, недалеко ушедший в жизнь ученых людей, даже малограмотный. Скажу вам, до войны сын одного мещанина пришел к нам на службу, учился со мной в учебной команде, а был такой насчет военного дела, всюду ходил сомной, ни на шаг не отступал, спрашивал каждую малость, за которую мне самому было смешно, что такую пустяковину не знаешь,—значит быть без головы. Пришла война, сделали из него офицера и вот он чувствует себя свободнее, и вот он начинает за прежние твои добродетели давать тебе наказания, а именно за что? Да за то, что папенька его богатый и знатный, и сын дурак за чин и звание и отцовские деньги получил офицера. Если бы дать мне немного образования, или не то, что образования, хотя бы побыть в кругу хороших людей, да повнимательнее их послушать. И то я хорошо чувствую за какихнибудь два года буду чувствовать над ним превосходство умственных способностей. Вот почему Германия побеждает в боях, потому, что у них каждый может встать за офицера во всякую минуту, в случае убыли начальника. У них так и не обижают солдат, знают хорошо, что почти каждый сознает себя наравне с другими. Вот что значит—культурная страна, страна ни от кого не зависимая. Пока солдат в строю считает офицера за начальника, а как лишь кончил занятия, то идет с офицерами, может поговорить, погулять. А в России солдат признают за паршивую собаку, в паршивый и грязный трактир не пустят. А в мирное время, проходя мимо вас солдат в серой шинели и видя его, будете себя осматривать не замарал ли вас солдат, и отряхнете свою верхнюю одежду, и это вот наше отношение к защитнику и Чудо-богатырю. Хотя вы мне и писали, что на моих условиях нельзя заключить мира, а если таких истории получится еще больше, то выйдет еще хуже, чем те прежние.

Штемпель „Полевая почта № 5.“

Январь 1916 года.

№ 3.

ПАВЛУ СЕМЕНОВИЧУ МАЛАФЕЕВУ.

Гор. Казань.

У тебя, брат, много патриотизму, который я нахожу излишним. Должно быть, ты мало знаешь всю суть дела. Слышал конечно

что погибли 2 русских корпуса под Кенигсбергом, безвозвратно погибли и глупо. А почему? Потому, что нами командуют немцы, полно их везде. На что у нас теперь назначен начальником учебной команды немец. Наши солдаты видят, что правительство смотрит на это, как на ерунду и пустяк... Они же нас направляют на пули и штыки своих соотечественников, но с таким расчетом, чтобы мы потерпели аварию. Да, и за что мы воюем после этого... Губим только себя. Воюют будто и наши союзники, а в конце то концов вся тягость падет на нас, по халатности нашей... А на внутренность государства поглядишь: здесь стоят две партии, на верху которых — буржуазия, дворянство и немцы, а навторой — мещане и крестьяне.

10 января 1916 года.

А. Гл.
Егерский полк №.

№ 4.

ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВОЙ.

Гор. Казань.

Странствование по деревням многих губерний дала мне ясную картину, на какой низкой ступени общего развития стоит еще Россия. Какая дикость, запущенность и безалаберщина. Сколько детей умирает, не достигая 7—8 летнего возраста. Ни малейшего понятия о начальной гигиене. Дети никогда не умываются, а лишь вытираются грязными подолами матерей. В избах часто холодно, сыро, т. к. топить нечем; избы скверные — повалившиеся; а рядом стоят обширные казенные леса, но за каждый срубленный пень или дерево, — протокол, штраф и наказание. Выходит, что народ одно, а казна — другое. Никакой помощи, бесплатного отпуска леса действующему населению нет, а наоборот — с него подати и набор.

Понимаю, что бери, если надо, но что можешь, то давай.

В хорошей, чистой, просторной избе и гигиена поднимается сама собою. Когда немцы занимают территорию нашу, то они позволяют крестьянам брать казенного леса сколько угодно и на поправку избы и на топливо. И этим невольно приобретают симпатии со стороны населения, т. к. то, что составляло их насущную нужду, подобно воздуху, было под страшным запретом, вдруг делается свободным и доступным.

А какая кругом беднота. Ни чая, ни щей, ни каши нет. Помню: Фельдшер осматривал больную бабу и поставил диагноз написал доктору между прочим, что „аппетит есть, но нечего есть“. Все

ребята бледны, с ясно выраженным рахитизмом, а ведь это будущее поколение России, будущие ее сыны, воины.

Сколько умирает такой детворы и чахнет, это Минская губерния, Гродненская, Витебская и др. И я считаю, что немцы вправе смотреть на нас, как на дикарей. Они ведь видят эти ужасы; сначала поражались ими и не верили, а теперь кажется перестали удивляться. Когда дойдет сюда культура в наши деревни, когда будут оказывать помощь и лесом, и землей казенными—не знаю.

М. Петров.

1 парк 20 Мартирн. парк Арт. Дивиз.

31 января 1916 года.

№ 5.

АННЕ ПРОЧВАРОВОЙ.

Как скучно. Хоть бы забыться на минуту от сосущего сознания своей зловредности. Вся жизнь наша, все наше назначение для как можно большего истребления людей, чем больше орудие и снаряд может убить людей,—тем удобнее, тем полезнее считаются они, и вот хочешь осмыслить свой труд, свое назначение, мало того, что осмысли, оправдай его идеализируй. Нам советуют даже забыть про дом, про прошлое только думать, как разбить врага, принести ему больший вред, будто бы для пользы отечества. Я и теперь понять не могу, какая польза от этой войны России,—победить немцев? Но разве мешали немцы России заниматься своим делом; двинуться вперед?—но разве немцы не пускали учиться русских; ту же пользу приносит война и немцам—полнейшее разорение и уменьшение народа. Как затевается отдельным кружком, который, конечно, в самой войне не принимает активного участия, как и полезен только этому кружку, и всех нас заставили защищать интересы купцов, помещиков и всех состоятельнейших людей страны, самых закоренелых врагов наших. Мое прежнее мнение,—как говорили все—мальчишеское мнение, все больше и больше утверждается у меня при более близком знакомстве с военными; мнение мое об офицерах не только не улучшилось, но даже ухудшилось, тогда это было только чутье, суждение по наружному виду, теперь это вполне обоснованные примером мысли... Это мысли, доводящие меня до отупения, от которых я не нахожу себе места.

Александр.

301 Пех. Бобруйского полка.

ЛЕОНТИЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ФРОЛОВУ.

Гор. Уфа.

Война затянулась и конца ее не видно, много еще, как видно попьют народной крови те, кто затеял эту бойню и много еще наживут кровопийцы-богачи, которые на несчастьи других, в тяжелую годину своей родины, строят свое подлое счастье... (Знаешь, у меня полное разочарование во всем и не верится уже в благоприятный исход. Настоящие враги, как видно, не германцы, а у нас, в доме, внутри страны они, это те патентованные ультра-патриоты, сидящие на теплых местах в разных организациях Государственной обороны и думающие только, как побольше наgrabить...) Ты подумай, разве не правда, что каждый поставщик, фабрикант, заводчик только и думает, как бы больше сорвать с казны, разве он думает чтонибудь о родине, о нищем народе, который все отдал в жертву и свою жизнь и благосостояние и счастье семьи и за все это получил несчастные 2 рубля пайка на месяц, при такой дороговизне грабительской.

Здесь на фронте тоже не все благополучно, ведь письма каждый получает, и все то нездоровое, скверное, гнилое, чем полон наш глубокий тыл, все это передается сюда, и у каждого падает дух и является невольно сомнение в том, что не нарочно ли затеяли богачи войну, чтобы побольше нажиться на счет народа. Да и офицерский состав много еще помогает солдату в этом направлении своим поведением: пьянствуют, некоторые даже пользуются нищенским солдатским довольствием.

И. Белкин.

12 Жел./Дор. Батальон 4 рота.

№ 7.

О. С. СЫРОМЯТОВОЙ.

Гор. Златоуст.

Будет ли в этом году конец этим, кажется уж безконечным страданиям? А воевать у нас силы хватит, хлеба тоже, а до народа какое нам дело. Прикажут—мы и станем по народу стрелять. Братья, сестры, отцы, матери,—все нам непочем.

Немцев только бить мы не умеем, снарядов нехватает, а для своих—сколько хочешь. На каждого по 100 штук. Ведь мы живем в России. И вот эти самые юнцы и будут бить своих родителей. Потому что взрослых уже побили немцы. Вот теперь только и остались юнцы, да еще один род войск, которых мы называем Мама-

евым войском. Это крестоносцы. Которые теперь играют роль шпионов внутри империи, ловят солдат и попадись такому-то, ничем не отмелишься... Ты права, у солдата не должно быть нервов. И их наверное и нет, потому, что если бы были, давно бы лопнули. И война кончилась бы давно. А то солдат еще и такую вещь терпит. Приезжает, допустим, солдат в Москву. Он не имеет права зайти в столовую, чайную или в харчевню, не должен ходить по тротуару. А зашел в лавку, купил колбасы, хлеба, иди по середине улицы и ешь.

Вот, милая, до чего довоевался Русский борец за родину. Вот ему честь. И это в Москве, в сердце России.

16 января 1916 года.

Эвакуационный пункт № 11.

№ 8.

Сейчас полк наш занимает позицию, но боя нет, да и, признаться, солдаты озлобились на все это и не хотят идти в бой.

Начальство передает только приказания, а сами назад, — вот и воюй, а чуть где на отдыхе, где бы дать солдатику отдохнуть, а они всячески мучат усиленными занятиями и даже бьют по морде.

Пища плохая, мяса совсем нет, сахара тоже. Врачи обходятся с больными скверно, грубо и тоже не верят больным и иногда употребляют кулаки. Священник проповедь говорил от себя и выразился так: „Как вам не стыдно, если вас не убьют и явитесь живыми домой“. А в заключение: „Вы господа офицеры берегите себя, а этого навоза у нас хватит“. Как не обидно бедному солдату на которого возложена вся война, платят ему в месяц 75 коп. а сами грабят 500—600. Им хоть еще 5 лет пусть война длится, для них это хорошо.

Январь 1916 г.

Сифашино

Волков.

№ 9.

ИВАНУ СОРОКИНУ.

78 зап. батальон 2 рота.

Является (священник) часов в 11, выстроили нас, похристославил и уехал. Ах ты, туда твою мать, черт патлатый, черти тебя принесли, — не дал покою: мерз над ним, а потом на часы.

Так вот сколько у них правды, как они тут наперед, они только наперед тогда, когда по хатам ходят, собираются, обирают деньги с баб да с дурных мужиков. Не верьте им.

Ив. Танцев.

3 февраля 1916 года.

46 Сиб. Стрелк. полк,
9 рота, 1 взвод.

№ 10.

А. И. ЧЕСНОКОВОЙ.

Кусинский завод.

Если подумаешь, какая теперь у нас жизнь, сколько страдает и гибнет людей от такой жизни. Я недоволен своей судьбой, я завижусь мертвым,—их никто не тревожит; мы мучеемся голодом и холодом. Я не рад своей жизни, скука одолела и какая-то злость берет. Приходится мириться с судьбой. Степан Трофимович говорил вам, что к ним ходят в узеньких юбках и в беленьких кофтах, да это все может быть. Да разве они воюют, они барствуют, живут по городам в каменных домах, вот к нам не придут, потому, что мы живем, как черви в земле и как свиньи в грязи, да как бараны в крови, а они с жиру бесятся, да деньги наживают, нашу кровь выпивают. Не дай бог лежать в военном госпитале—с голоду заморят, а все через разных нашивочников, раненные голодают, а жирные—деньги наживают.

Александр Чесноков.

16 февраля 1916 г.

20-я батарея 14 Сиб. Стр. артил. бригады.

№ 11.

Ф. С. КАРАУШЕВУ.

На нашем фронте теперь возобновились сильные бои, ждем мира, а его наверное не будет до тех пор, пока нас всех выбьют, немцы сдаются в плен лишь тогда, когда ему наставишь штык в грудь, и то он стреляет. Как надоело здесь слушать адский гул тяжелых орудий. Сколь перенесли горя и нужды.

Сколько пролито крови нашей за толстые карманы богачей.

17 июля 1916 года.

Брат Николай.

№ 12.

Е. Н. БЕЛКИНОЙ.

Гор. Уфа.

Живу ничего себе, только вот содержание не очень важное, с голоду морить вздумали нас. Как, Катюша, возмущает меня неправда и вопиющая несправедливость, царящая у нас на Руси везде и везде. Я думаю, что нет в мире такой страны, как наша Россия, чтобы где мог быть такой произвол и беззакония, и такие мерзавцы офицеры, каких мне приходилось наблюдать и сталкиваться с ними. Как я теперь смеюсь и плаю на те статьи газет, где настоящая война рисуется войной за свободу и поправленные права,—все это ложь и ложь, красивые, но лживые слова... Наш настоящий

враг в России, среди нас — русского народа, он живет и я его знаю, я знаю подлого, продажного, гнусного, оградившего себя, свою подлую жизнь миллионами штыков.

Белкин.

12 Жел./Дорожн. батальон.

21 февраля 1916 года.

№ 13.

ПРОКОФИЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТАРОСТИНУ.

Березовна.

Человека забирают под этот страшный гнет и первым делом ему внушают, что ты будешь защищать Царя, Отечество и Родину, а что такое родина человек не знает, хотя он и знает, но не имеет никакой теплоты в душе для защиты. Родину мы считаем ту, где мы бываем удовлетворены; у меня тоже на действительной родине где-то есть 60—80 саж. земли, которую я не засеваю и с которой бы мне на год хватило прокормиться, и отчего где-то жил далеко и зарабатывал на чужой работе себе кусок хлеба, а если не наша работа собственная, тогда в таком случае хотя бы она была и немецкая, нам за свой труд на чужом деле вознаграждение получать с кого угодно... Зачем нам наступление и атаки, когда на нас враг сам идет, благодаря дурному расчету немец забрал весь западный край.

Михаил Беляев.

Прожекторная рота 7-го Саперн. бат-на.

27 февраля 1916 года.

№ 14.

ЕГОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ХРАМОВУ.

Гор. Уфа.

Старые солдаты сдавали Варшаву и другие города, а нам придется сдать Ригу, потому что у нас здесь не война а только проливание крови. Мы проливаем здесь кровь свою, а другие нажимаются из за нас, потому что все продано. Правду говорят татары что это не война, а только убийство одно.

Были мы на позиции двое суток всего 18 верст от Риги.

Подписи нет.

№ 15.

КАПИТОНУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЕФИМОВУ.

Мы стоим в резерве на берегу Балтийского моря, близко Балтийский порт. У нас в полку те и разговоры, что о мире. Война порядком надоела. Если и наш и их народ воевать не захотят, то уже начальству поневоле придется мириться.

Александр Краснов.

27 февраля 1916 года.

№ 16.

ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ДУДУКИНУ.

Гор. Пенза.

Все война и война, а про мир и помину нет; нет, видно, Иван Григорьевич, как видно ни жаждай по миру, и сколько ни ожидай,— а повидемому не миновать поплатиться головой. Сколько мы бьемся. а все пишут, что война вся впереди, и во что-бы то ни стало, хотя и придется понести большие потери, а нужно биться до конца. Конечно и я, и кто бы то ни было, бился бы чужой шкурой, а за свою каждому приходится дрожать, каждый ведь, Иван Григорьевич, живет для себя, а тогда не интересны будут и результаты войны, у кого башка слетит, хоть Берлин возьми, или Москву, или Петроград отдай,—так тогда безразлично. Ох, когда только все это кончится, прямо беда, все затягивается и затягивается, так, что конца еще не предвидится. Да вот стали писать, что союзники наши взялись за дело: Франция, как пишут, потрепала здорово германофилов, и на Кавказе дела тоже идут, слава богу, если не попрут, как из Галиции прошлый год, так может быть, эти бои склонят которую либо сторону к миру, да уж и время бы бросить это грязное дело.

И. Ратников.

12 марта 1916 года.

№ 17.

АНТОНИНЕ ГВОЗДЕВОЙ.

Гор. Пенза.

На другой день пошли на позицию, было 47 верст, прошли в день, ночевали, конечно, и прямо в бой. И вот до сих пор атаки, атаки, немец ходит в контр-атаки. Промежуток между нашими и его окопами весь завален трупами, негде ступить: трупы и трупы, убирают по возможности, о раненых уже не пишу. Не только, как в наступ-

ление, т. е. в атаку, так и потянется, как в городе во время гулянья по большой улице вечером, от самой позиции и не знаю докуда идут и идут, пока не утихнет бой, и остальное время тоже идут, но только реже, а в бой идут легко раненые, и несут и везут тяжело раненых. Люди сами не понимают, что творят, как будто так и нужно. Напр. во время боя идут люди и на них летит с визгом, с завыванием, грохотом сталь и свинец—такой-же стеной, как и люди, прямо ужас. И все солдат. В чем виноват? И верно сказал хохол како-то умный, и конечно, тоже солдат, видевший все ужасы войны: „Щоб тий свиту не видел, кто цю війну пидняв“.—Правильно.

В России читают и думают: наша взяла, наши наступают, но не знают, что каждый шаг стоит тысячи солдатских жизней, каждая пять земли пропитана солдатской кровью, на каждом шагу корчатся в предсмертных мучениях солдаты; смотреть и то можно умереть от страха, навалено, как мух на листке, негде ступить, а тут по ним же идешь и еще добавляется. Прямо ужас. Прямо ужас..

27 марта 1916 года.

Подписи нет.

№ 18.

МИХАИЛУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ САЖИНУ.

Я должен тебе писать, как мне это ни тяжело, что может быть, нам придется там еще одну зиму остаться, так как в настоящее время не предвидится мир. Весь мир горит и все вооружены. Черногория заключила мир с Австрией, но еще не все покончено, то ропятся, но все тянут. Если Англичанин не начал-бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует бог на небе, тогда этот мелочник не избегнет наказания.

Эти англичане травят только своих союзников дальше и дальше воевать, а сами держатся сзади. Земля парит от крови. Матери молятся и плачут, дети кричат, старики ругаются и все бесполезно, Война только еще входит в свою колею. Первое время мы ожидали, что вот кончится война, освободимся мы из под ига немцев, но вышло как раз наоборот, от немцев мы освободились, а к американцам попали. Союзники наши тоже, по всей вероятности, не с германцем воюют, а выуживают от России все выгодные договоры: например Англия—свободу по морям, и в России развивают свою промышленность. Франция на последней конференции тоже проводит, чтобы заводы и фабрики и рабочий люд был бы свой. Япония полностью Сахалин, через Манчжурию и Монголию отданы желез-

ные дороги на свободный проезд в Китай и, в случае надобности, помощь и тут Россия должна помогать. Вместо одного немца, завладели нами все. Польшу взял немец, т. е. продали, а Сибирь отдали Японии, а внутри России завладеют Франция и Англия. Нам как раз и пришлось быть рабами, ну, ничего, потерпим, что еще будет дальше.

Подписи нет.

6 апреля 1916 года.

№ 19.

П. С. ТУЖИЛНИНУ.

Гор. Уральск.

Мы здесь надеемся, что родина и близкие наши не забудут нас здесь на чужбине, как помощью, так и ласковым словом, но все-таки приходится встречать в газетах таких шелопаев, что лучше бы и не было его, и он, кроме вреда, ничего не приносит, и эти внутренние враги еще у нас оказывается есть в достаточном количестве, другой раз читаешь газету--и вот там начинают описывать некоторых--этот вот что сделал. а этот еще лучше, вот тут уж и берет досада: здесь война, а у какого нибудь купца идет нажива, он на нее не обращает внимания, она чем дальше протянется,--тем ему доходней, и с семьи призванного последнюю копейку дерет. Вот на это, Павел Север. приходится обижаться, но конечно, я это не из за себя говорю, а был в некоторых случаях очевидцем, как плачет бедный народ, и на эти слезы мало кто откликается. Итак, Павел Северьянович, закончу свое письмо.

29 апреля 1916 года.

Алекс. Григ. Миз.
подпись не разборчива.

№ 20.

Россию нашу немножко обманывают Англия, Япония и Франция,--они стараются, чтобы Россия ослабла. Англичане говорят, согласны воевать до последнего русского солдата и Англия еще дает России денег на войну, но разве это даром? Хотя от нас, от солдат утаивают, но наш брат все равно узнал... Англия и Япония и Италия велят, чтобы наши пуще наступали, наше начальство подкупают, а разве нашего брата жалко начальству? В случае разобьют Россию, они место себе найдут с деньгами, а наши семьи им тогда не нужны, им не жалко, что нас как мух бьют...

Трошев.

2-й Лазарет Старообрядческого Общества.

№ 21.

ВАСИЛИЮ ЕФРЕМОВИЧУ КРАСИЛЬНИКОВУ.

гор. Уфа.

Сообщаю новость об нашей матушке России—насколько она темна и глупа, но кулаки, которые управляют нами—умны, все забрали в свои руки, и уже все было забрано, а нам залепляли наши глаза, чтобы не видели. Теперь же собрали нас чуть ли не всех, мы и то не можем ничего сделать, когда могли-бы.

Если разобратся, все в наших руках, но они теперь смеются над нами, как над детьми. Когда было нужно нас не допускали учиться, но, Вася, вздумали здесь в армии и у нас на позиции учат грамоте, накупили тетрадей и карандашей и азбук,—и учат солдат грамоте—как это все кажется довольно странным. Другому чуть не 45 лет, но он сидит и учит буквы и вот, как выучит, и видимо, победим.

Везде небывалая дороговизна и правительство не может сделать это иначе, но все делает в пользу наших кулаков, которые пьют нашу кровь из черного народа.

Александр.

Гор. Рига.

Апрель 1916 года.

№ 22.

ПРАСКОВЬЕ ТРОФИМОВНЕ БУШНЕВОЙ.

с. Водянское.

Мы нашли в газетах, что с Вас хотят взять по десяти рублей в год за то, что мы здесь страдаем, а Вы там с голоду подыхаете, а с земли нельзя, потому, что у помещиков очень много земли, с него много и денег сойдет, а то он только десять рубл. отдаст, так как и ты,—все-таки хорошее нашли, с каждого мужчины от 18 до 65 лет; дым кругом, горит Россия, немец крепко сидит, а со всех сторон нажимают, а бедный крестьянин вглубь России удирает, все у нас отвалилось, не мило ничего на свете, мы кругом все виноваты, все на нас отыгрываются.

Супруг Павел Иванович.

5 мая 1916 года.

№ 23

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ ЗАВИТАЕВУ.

Я знаю, у Вас наверное есть в волостном правлении об'явление—жертвовать на помощь войне,—ну Вы ни одной копейки им не жерт-

вуйте,—если Вы будете жертвовать на помощь войне, то она дальше протянется, она нам и так, как собака, надоела, а если Вы не будете копейки жертвовать, то она скоро кончится...

Подписи нет.

11 мая 1916 года.

№ 24.

МАРИИ ИВАНОВНЕ БОРИСОВОЙ.

село Колобовна.

— Немец укрепил свои позиции и сидит в окопах, как барин, говорит русским—не подходи близко; дела наши некрасивы, даже очень плохи, ужас надоело так страдать и мучиться на свете; живем на земле тоже очень плохо, нет на душу полоски земли, а у помещиков—глазом не окинешь, будто только для них одних Бог сотворил землю, наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен. В победу твердо не нужно верить, всем известно, что у нас единения нет и думать не нужно внутри России, что у немца нет ничего, а нам, защитникам родины, варят 3 фунта грибов на 250 человек. Вот так то.

П. Борисов.

15 мая 1916 года.

№ 25.

АНУЛИНЕ ПЕТРОВНЕ ЛУКОШНИКОВОЙ.

гор. Царицын.

Не знаю, народ мы или черти, почему нам больше всех надо, или дома у нас настроены каменные, во второй поступаю полк и что-же: купцов нет в окопах, это не война, а обман. Должны быть купец, мужик и духовенство—все одинаковы, зря я пошел раненый в Россию, не из чего, я бы остался спокоен, а иной, как началась война он не был на войне, а наживает деньги. Нас раз ранят, подлечат-подлечат и опять на позицию. Мы свои деньги прожили, а иной полный карман накладет, а не на войне,—вот и неправильная эта война.

Брат Петр Петрович.

Май 1916 г.

238-й пех. Ветлужский полк 6 рота
3-й взвод.

БАЗИЛЕВСКОМУ.**гор. Пермь.**

Если строго рассудить, то класть свою голову за то, что другие набивают карманы, за то, что на каждом шагу измена, и в такую войну стремиться на фронт, быть патриотом глупо.

Подписи нет.

№ 27.**А. Н. СКОРОБОГАТОВОЙ.****гор. Пермь.**

Вот уже два года этой кровопролитной войне, не знающей предела, где люди гибнут, как мухи осенью, как возмущены своей жизнью: тыл кричит—надо до победного конца, но хорошо кричать тем, у кого пить есть что, но каково нашим близким мелким людям живется, невероятная дороговизна кругом, купцами-эксплоатация, воевать надо, хорошо, мы здесь будем воевать, но пусть и тыл работает, а не предается оргиям, раз мы не видим ни света ни радости.

И. Н.

Троицко-Сергиевский полк 6-я рота.

24 июня 1916 года.

№ 28.**СТЕПАНУ АФАНАСЬЕВИЧУ ПАЛЬМОВУ.****Юловская маза.**

Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что—медали, кресты и проч. награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст. У тех одна мечта, как бы дальше продлилась война. А ведь много народу взято и теперь, я думаю, по улицам одни бабы разгуливают, да старики и калеки, а здоровых мужчин нет.

После войны много вдов будет или же вернутся мужья-калеки—тоже приятного мало. Останутся от войны свободны попы да полиция, но им будет и почет такой, на них и теперь стали смотреть, как на сообщников богачей.

Алексей Ермолаевич Дурагин.

9-я армия.

ИВАНУ ДМИТРИЕВИЧУ ДУНИНУ.

гор. Самара.

Довольно крови. Конечно, богачам хорошо, они на нашем несчастье строят себе счастье, наживаются, а наш брат солдат знай посиживай своим трудом, а если и увидит конец, то пожалуйте к разбитому корыту.

Из наших Самарцев еле-еле осталось 90%. Все бедняки то сложили голову, то раненые. Новостей бы конечно написать и следовало, да сам, мой друже, знаешь, что находимся в положении арестанта—везде цензура и контроль.

Штемпель „Полевая почтовая контора“ № 106.

МИХАИЛУ МАРКЕЛОВИЧУ ЕФРЕМОВУ.

Село Козловка.

Стоим все на старом месте, среди того-же леса, и тех же комаров. Все, к чему мы так усиленно готовились, прошло, не зацепило нас, а выпало на долю войск, стоящих рядом с нами (влево) и вылилось горькою и жалкою участью, где был не ад, а во аде ад, в результате которого были отправлены поезда раненых и груды валяющихся теперь среди позиций, уже протухших и издающих зловонный и противный смрад,—как сама война, огромное количество трупов; все они, своим теперь уже не человеческим, до крайности страшным видом, и невыносимым специфизмом, на самого равнодушного наводят страх и ужас и как бы грозят всему миру таким же „безобразием“ превратить все и всех, кто только посягнет на изуродование ихнего образа, отнял их у родных, прекратил жизнь, которая навеки не вернется, оставил несчастных стариков, жен и малюток детей на произвол судьбы—ради ничего.

Виною жалкого случая была подлая измена и безответственность власти..... В память о погибших в газетах написано за 10-е июня от штаба Верховного Главнокомандующего: „На реке Ясельде и Огинском канале было несколько столкновений“..... и больше ничего, а о том, что перед рекой и каналом от трупов пройти нельзя—об этом ни слова... И, не считаясь с такими обидами, тягестями, муками и страстями, там, где-то сзади в Таврическом дворце кричат гофмейстеры: „Теперь не время с реформами, прежде победа, а потом.... Да это действительно не время, им нужно решить бюджет-

ный вопрос, чтобы скорее ассигновать кому нибудь 75000 руб. на мебель... это время, а реформы не время“.

А 11-го июня „Киевлянин“ пишет: от „Штаба Главногоком., заяв- зался бой на Огинском канале в районе Логишина... ранены доб- лестные генерал Н. и полковник., которые вскоре померли“..

Читая это, и зная дело, становится невыносимо.. Почему не на- писать правильно их доблесть (говорят, они сами застрелились). Не благодаря-ли их доблести и теперь еще усеяно поле горами разлагающихся трупов, родные которых ждут и будут ждать, но увя- их нет... А в Таврическом дворце кричат: „Теперь не время о ре- формах“... Эх, как же больно после этого. Хочется шуметь, и кри- чал-бы, если-б имел такой голос, который слышен был-бы на весь мир: „Долой всех гофмейстеров“.... Но что-же делать? Пока буду ждать, когда затрубит этот голос, знаю и верю, что он затрубит скоро.

Штемпель „Полевая почтовая контора“ № 146.

16 июня 1916 года.

№ 31.

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОВОРОВУ.

Да, Александр Михайлович, мало утешительного пишете о делах да и нельзя требовать лучшего. Два года мировой войны, чуть не ежемесячные мобилизации, ежеминутный убой и калечение людей.

Нужно еще удивляться, как еще люди живут и не пухнут с го- лада, а по всей вероятности, скоро настанет и этот бич людей, а будущее родины—ведь это сплошной ужас, если к новому году име- ли 17 миллиардов долга и уж должны были уплатить к новому году более $1\frac{1}{2}$ миллиарда, что-же будет, если война еще затянется на год? Это, брат, пахнет тем, что и наши дети будут рабами кабалы. Рассчитывать на какую бы то ни было компенсацию со стороны противника, при столь колоссальных расходах, не приходится, так как ни одно государство не в состоянии уплатить.

Вы наверное удивляться будете моим взглядам на будущее при столь окружающих меня обстоятельствах,—что-же, друг думать о том, что вот-вот меня убьют, ужасно надоело, с каждым часом все больше апатии к жизни усиливается, окопы, брат, до того опроти- вели, что все только скорее в наступление и один конец.

Нужно удивляться, как люди терпят. Вот два месяца, как я на позиции и редкий день без дождя, окопы всегда полны воды и

трязи, сапоги почти у всех рваные, ноги у каждого точно в ванне. Я надеюсь, что скоро будет мир. Если-бы у меня не было надежды на мир, то я давно бы покончил с собой... Вчера один из наших солдат сошел с ума... Предполагаю, что это не последний.

Т. Кирьянов.

275 Лебединский пехотный
полк 2-я рота.

24 июля 1916 года.

№ 32.

ВАРВАРЕ СТЕПАНОВНЕ ФЕДОРОВОЙ.

Ожидаем, что скоро немец отступит, как выясняет наша аэропланная разведка, что немец готовится к выступлению. Конечно, каждому желательно остаться после войны в живых, такой войны наверное никто и не помнит. Не то интересно, что останешься лишь живым, а интересно то, что какая будет перемена в России и чем удовлетворится безземельный крестьянин, а также остальные..

Только вот, читаешь газеты и так делается досадно, что кажется переколол бы всех до одного этих русских патриотов, героев тыла, наше купечество, пользующихся бедою ближних, назову только у вас в Самаре, этой житнице России, разные мукомолы, вроде братьев Соколовых и тому подобных, вздули цены в 4 раза, я верить не хочу и не поверю, что у нас нет пшеницы.. Ну, довольно про этих негодяев.

Штемпель „Полевая почтовая контора № 22“.

Июль 1916 г.

№ 33.

АННЕ ПЕТРОВНЕ ШИБАЕВОЙ.

Село Алексеевка.

Супруга, молись Богу за нас, несчастных, проклятых солдат, потому, что не живешь 2 года на адских муках и не могут провалиться с этой войной, они могут подавиться нашей кровью, пьют-не напьются, едят-не наедятся, провалился эта война.

Н. Н. Шибаетев.

665 Воронцовского полка 1 рота.

№ 34.

ОЛИМПИАДЕ МИХАЙЛОВНЕ СТЕПАНОВОЙ.

г. Саратов.

Мы воюем, страдаем, а за нашей спиной и на нашей шее жиреет всякая дрянь, да за нас решает, конечно в свою пользу, наши собственные дела. Когда читаешь газеты, то ужас, дочего обнаглели все эти Питиримы да Распутины, а мало ли их. Понятно, им, и им подобным выгодно вести войну без конца, а спросили бы народ.

По моему пора и немцев выслушать. Я что-то давно не слышал победы, все отходим, да отходим. Положим, до Волги еще далеко.

Подписи нет.

№ 35.

ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВУ БЕЛИЦКОМУ.

26 Кавказский стрелковый полк.

Теперь выясняется, что только воюют исключительно бедные, а богачи все у нас попрятались кто куда попало, у нас кто из богачей сроду не видал, как покупают пшеницу,—теперь он покупает на армию и освобождается от службы, например Бакарющенко Михаил, он, я думаю, не видал, какая пшеница, может только различать одни опилки да тес, а теперь это ремесло бросил, и покупает пшеницу, а также Пустовойтов, Иванов и много других богачей укрывается, также на железной дороге либо на консервной. У нас на железной дороге служит один купец, своя мельница паровая,—тоже спасает свою шкуру, в лисьих шубах ходит на работу.

Подписи нет.

№ 36.

АЛЕКСЕЮ ТИМОФЕЕВИЧУ ОБЕРТЫШЕВУ.

село Дурникино.

По получении сего письма пишите, пожалуйста, возможно подробнее о жизни Дурникина и как живут в настоящее время крестьяне и чем кормятся и как. Словом пишите обо всем подробнее. Я был дома и что-же нашел там,—одно разорение и больше ничего, кроме некоторых кулаков, а некоторые министры наши еще смеют утверждать, что наша деревня стала богатеть,—это не только правда.

а зля насмешка, хотя бы министра Хвостова. Велика ты, матушка Россия, а порядку в тебе нет и, кажется, никогда не будет...

Немец забирает землю на фронте, а в тылу забирает у нашего брата землю крестьянский банк поземельный,—этот вопрос нашу шкуру морозом дерет, и все приходится терпеть и переносить.

Подписи нет.

№ 37.

ПРОКОПИЮ ФИЛИПОВИЧУ ГНОРАТСКОМУ.

Село Маловетна.

Нам тут слышно, что миру не будет до тех пор, пока сами солдаты не сделают мир, как сложат ружья на позиции кучей, а сами уйдут, тогда, значит только будет мир....

Поскорее бы кончилась эта канитель, надоело ужасно, а главное уж слишком глупые и нелепые требования, если всю правду написать, так прямо „Стрекозу“ не читай, все оставные полковники, генералы, люди, уже выжившие из ума, они делают, что хотят, провались они в тартарары, опротивели хуже собак старых.

Подписи нет.

№ 38.

М. И. МИЛОВИДОВУ.

пос. Агрыз.

Поневоле осатанеешь и будешь проклинать и Бога и справедливость... все и войну и когда она кончится, не довольно ли крови, слез и горя... Или вам хорошо, а мы военные—пушечное мясо, должны исполнять то, к чему мы призваны, а Ваше дело граждане, остановить зло, которое принимает угрожающие размеры, довольно, кажется, и нам быть под растрелом. Артиллерия немецкая действует, наша—молчит, почему это? Винтовок у нас своих нет, но мы воюем и жертвуем всем, доказательством служит то, что на нашем участке в последнем бою потеряно 10 тысяч, а сделано что? —Ничего. У них проволочные заграждения в несколько рядов с током сильного напряжения, наша артиллерия беда по своим, но шли и умирали, а что за это?—Ничего.

Михайловский пишет и ему верят, а мы воюем, старшие сидят в тылу и белых орлов получают и ничего не видят и не знают. Не патриоты Вы, а сказал бы..... Знайте, что мы свой долг исполняем до конца. Что Вы там сделаете, будете сидеть и верить „Русскому Слову“, да „Новому Времени“.

Твой Кот.

Август 1916 года.

Дорогая Домна, я тебе писал уже в своих письмах, что такое подводная лодка. В твоём воображении, наверное, она хорошо запечатлелась по тем причинам, что твой муж плавает в Черноморском флоте на подводной лодке и каждый месяц бывает 15 суток на позиции возле Босфора. Домна, ты должна понять, что надо только болеть своим нутром за своего мужа, как все жены, которые вы проводили своих мужей на эту гнусную войну, которая может похоронить ежеминутно их мужей наравне с твоим мужем.

Дорогая Домна, ты наверное еще не поняла, что нет тех проклятых немцев, диких зверей турок башибузуков, о которых говорят наши сытые попики, которым вы несете на ненужные молебны последние гроши. Вы еще верите в эти проклятые молебны и думаете, что они вас спасут.

Дорогая Домна, я уже тебе писал раньше в своих письмах, что матросы не верят ни в бога, ни в черта, ни в молебны, ни в молитвы, а только верят в то, что матрос и солдат как русский, немецкий, турецкий одинаково являются пушечным мясом.

Хорошая Домна, ты еще не понимаешь, что зверей немцев, турок нет, они такие люди как и мы и их жены, матери, отцы одинаково страдают, как страдаете и вы. Их как и нас послали толстопузые паны и начальники офицеры. Для них то война нужна, а не для нашего брата.

Милая Домна после каждого похода в море я тебе описывал сколько и где мы топим турецких пароходов. Конечно только из военных больно нам матросам как тонут матросы—турки. После взрыва мины мы чувствовали ихнюю мольбу о помощи, о спасении, но помочь не могли. Война не щадит людей ни на море ни на суше. Одиннадцатый поход нашей лодки к Босфору был настолько неудачным, что лодка была на волосок от гибели. Это было Домна 4-го августа. Пробывши семь суток на позиции возле Босфора, нам нужно было сделать зарядку аккумуляторов. Ты правда не знаешь, что такое аккумуляторы, но это я тебе расскажу коли вернусь и коли морские рыбы не слопают. Отошли мы от позиции 15 километров, выплыли. Я пустил на зарядку и пошел к трапу вылезть наверх подышать свежим воздухом. Впереди меня вышел вахтенный сигнальщик и командир лодки Марков второй, а я поднялся за ними на палубу. Стал жадно глотать чистый морской воздух. Командир корабля от боевой рубки направился по настройке к корме. Сигнальщик с биноклем в руках осматривал горизонт. Я взявшись за поручень рукой, наклонившись за борт, стал смотреть на поверхность

моря. Мое внимание приковано было быстро движущейся блестящей лентой, которая двигалась к середине борта. Прошла одна минута, как я заорал во все горло „Торпеда“. Командир и сигнальщик повернулись в мою сторону. Мы видим, что нас ничто не спасет. Осталась может секунда и мы все должны взлететь на воздух, чтобы потом навек скрыться в пучинах моря. В лодке никто не знал, что мы сейчас погибнем. Мина глухо ударилась в борт лодки, должен был моментально последовать взрыв. Но взрыва не последовало. Мина от удара остановилась, кувыркнулась и начала тонуть. Командир крикнул в лодку мы с сигнальщиком в один миг влетели в середину лодки, командир влетел прямо моментально нажав тревожный сигнал рукой. Через три минуты мы глубокомеры показали что глубина 60 метров, на таковой глубине никакая сила уже невозможна. Лодка дала течь. Внутри себя мы ликовали, что теперь мы возвратимся в Севастополь ранее срока. Снеслись по радио с Севастополем прося решения возвратиться, но нам не было разрешено, командир решил сам идти в Севастополь. После двух суток мы благополучно добрались до Севастополя, командира сняли, мы без него пошли в сухой док и стали на ремонт.

На этом заканчиваю свое письмо. Досвидания моя милая. Искренние и наилучшие пожелания.

Твой брат Ермаков.

16 августа 1916 года.

№ 40.

МАТРЕНЕ МИХАЙЛОВНЕ БЕЗСОЛИЦИНОЙ.

д. Большая Безсолята.

Придется должно быть пострадать нашей России и мы уже пострадали да и еще этим страданиям конца не видать. Могли бы мы уже с нашими доблестными силами с крепкими сердцами покончить дело с немцем, но дело осталось в следующем: плохия были у нас министры и представители государственной Думы. Они с вечера в театре а утром долго спали вот и все проспали теперь у нас и крыть нечем как теперь у нас спят кулаки богатые мужики, а надо бы теперь не спать а больше заботиться об действующей армии, а у нас идет вовсе не так у нас все грабят пока можно.

Семен Константинович Безсолицин.

НАТАЛЬЕ СОМОВОЙ.**Белохолуницкий завод.**

Дорогая сестрица Наташа мы воюем так, как пойдем на немцев наступать так мы бросаем ружья и идем в плен, а почему, потому что у нас порядок очень скверный и офицеры тоже и еще нижних чинов очень награждают георгиевскими наградами. Убитых представляют к георгиевским крестам а живых не надо потому что они будут получать деньги за это а сейчас за битого понабивают свои карманы и все измена и измена и солдаты глядят-глядят из за этого и сдаются в плен.

Яков Сысолетин.

17 Стр. полк.

№ 42.**ИННОКЕНТИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ТЮШНЯКОВУ.****Казань.**

Как относятся к уходу Горемыкина и к замене его Штюрмером. Сволочь кажется, в том же сорте. Его слова, что он верит обществу и общественным организациям, по меньшей мере, странны. С каких это пор министры стали говорить что они верят обществу. Почему они не спросят, верит ли им общество. Нет, в государственной машине не только развинтились винтики, но и потеряны гайки. Куда ни взгляни везде произвол тупое равнодушие к государственным нуждам и потребностям. Тит Титычи работают, делают состояние, грабят обывателя и плюс ко всему еще и смеются над всем. Закон для них не писан.

И. Соколов.

№ 43.**ЕЛЕНЕ ЛЬВОВНЕ КЛЫКОВОЙ.****Самара.**

Составить себе сбережение я тоже не мог так как наши русские буржуа совместно с министерством стараются всеми силами держать крестьянство и т. п. элементы в нищете и темноте. Результаты их стараний получились во всех отношениях блестящи: крестьянство ежегодно выпускает на свет миллионы себе подобных рабов, и в России имеется на всякий случай всегда тысячи безработных. В России собралась вся сволочь прохвосты и истребляют народ не для блага родины, а ради прохвостов, но мы отомстим.

Клыков.

4-я стрелк. батарея.

№ 44.

АЛЕКСЕЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ СУББОТИНУ.

Саратов.

Настроение среди солдат унылое, все ждут мира, жадно ловят все слухи, касающиеся мира, с удовольствием выслушивают соображения, клонящиеся к заключению мира, и о победе и слушать не хотят, не верят в таковую. Не знаю к чему и поведет продолжение войны—мне думается к разрухе. Вы пишете, что Вас отпускают, но это все враки, это вас утешают чтобы Вы не могли забастовать. Скоро попадете на позицию—это правда. Куманек, постарайтесь попасть на какую нибудь вакансию, а то ни за что пропадешь. У нас дорогой куманек, стены то очень хороши, но столбы не в . . . не годятся.

Е. М. К.

№ 45.

УЛЬЯНЕ ИСАЕВНЕ АНТИПОВОЙ.

Уральск.

По разговору в народе будто войне скоро конец, нет моя незабвенная забудьте просто и думать войны конец до тех пор не будет пока у нас в России не будет дураков. Вот Борис храбрый а вот пускай придет к нам в окопы да послушает германские жаворонки восьми дюймовые Из письма видно, что у вас опять в Уральске до сих пор берут людей на войну убивать и морить голодом. Борис пишет что его храброго тоже берут он все мне писал что мы Германцу докажем, вот теперь пускай идет и доказывает и говорит что германское войско голодное. А наше войско свежее, вот придет он в армию и тогда узнает каков солдатский хлеб.

Подписи нет.

№ 46.

ПАВЛУ САМСОНОВИЧУ ШАЛИНУ.

Любищенск.

О войне писать нечего, мы ожидаем может будет скоро мир но нет даже нисколько ничуть ни одного словечка о мире. Надоело мотаться по чужой стороне. Мотаемся как собаки а толку нет, это не война, а истребление мира больше ничего. Каждый день гоняют солдат как баран на бойню и там их убивают, потом давай других

Кругом все война, да убийство, грабеж и хорошего ничего нет, кругом нас обижают не хуже вашего, вас грабят, нас убивают это все Богом допущено.

Ефим Тимофеевич Куроктин.

16 Октября 1916 г.

№ 47.

Нет это не с Наполеоном, а с Германией и не то время, у солдат не те взгляды, что были раньше-столько времени воюем, видят гибель впереди и не могли то издать ни одного манифеста для русского черного народа. Не могли удовлетворить крестьян. Теперь удовлетворили Германца, а теперь жалуют и берутся за нас, чтобы мы им помогли в нужде их кармана. Бог послал врага на наше неправоудное отечество. 17 год думают о наделе крестьян землей, так и не придумали. Я думаю что германец разобьет нас в дрыг весной и не даст нам высунуться на свет потому что у него приготовлено много удушливых снарядов. И тем более у нас путеводители в военных действиях немцы, поэтому у нас никогда не может быть победы.

Подписи нет.

№ 48.

МАТВЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЕВДОНИМОВУ.

Слобода Елань.

Газеты пишут наш Николка сказал, что войну вести будем пока неприятеля не будет на нашей территории, нам очень стало грустно, кому же не досадно, что крепости посдавали без бою, Ковну, Варшаву и все там пооставили, а теперь вести войну до конца. Когда Ковну сдавали, ни одного выстрела не дали, а Вильну поневоле пришлось сдать, потому что она была обойдена. Нет, не пойдут в наступление наши солдаты и так остались старики контуженные да молодежь.

Подписи нет.

№ 49.

ПАВЛУ ГЕРАСИМОВИЧУ РЕПИНУ.

Никольск.

В это время начальство наше еще не напились нашей християнской крови и говорят что будем вести войну до конца а когда будет всему этому конец никто ничего не знает, оне говорят что еще

три или говорят четыре года столько же опять будет, оне все вычитали до их нормы сколько надо истребить людей еще мало, когда оне догонят до той нормы сколько им надо истребить людей тогда только будет мир. Вот как нас правительство подтянуло и мы бараны бестолковые.

Подписи нет.

№ 50.

ЕВДОКИИ ФЕДОРОВНЕ ПОПОВОЙ.

д. Кроты.

Много солдатского грабят вообще. Начальство все смотрит как бы в карманы денег. Нет в нашем Начальстве правила, все продают. Так дорогая моя они привыкли в мирное время пить нашу кровь и в военное не бросают. Нет правды на свете и не будет до тех пор пока народ не сбросит их кровопийцев со спины.

Прокофий Никофорович Попов.

16-й Гусарский Иркутский Великого

Князя Николая Николаевича полк, 2-й эскадрон.

НАЧАЛО БРАТАНИЯ НА ФРОНТЕ ¹⁾.

№ 1.

КУЗЬМЕ ЕВДОКИМОВИЧУ КАЛИНИНУ.

С. Воскресенское.

Ну мне писать про чортову войну настолько противно, даже невозможно, да еще вы мне пишете, что победить злого врага. Ну эти слова не пиши, какой он есть враг, это все глупо думаете. Мы равные люди что и они, у нас враги те, которые на десятикопеечной марке новой, также в Австрии и Германии. Я вам сообщил бы и больше кое что, но нельзя, это потом.

Кузьма Иванов Татаинов.

5-я батарея 82-й арт. бриг.

№ 2.

МАРИИ САПУНКОВОЙ для В. А.

Самара.

Веруся—Я сегодня ходил к германцам в гости..... Ты конечно удивишься не поверишь и скажешь, что это шутка, но это действительность. В 1-й день Пасхи т. е. Воскресения вдруг смолкла стрельба враждующих сторон-из окопов нашей позиции и со стороны противника стали появляться условные знаки, потом головы людей и наконец группами стали вылезать из окопов наши и Германцы махая руками и крича „Пан пан ходь сюда, стрелять не будем“. Сначала несколько смельчаков из наших решились первыми пойдти на приветствие и зов германцев и вот сошлись обе враждующие стороны на поле брани, начались поздравления с праздником, взаимные пожелания и угощения чем Бог послал хлебом-табаком даже вином, которого как говорят у германцев в изрядном количестве имеется; Обменивались газетами, давали адреса друг другу и т. д. и так продолжалось это свидание до вечера, на следующий день условились опять не стрелять. И вот сегодня я тоже отправился навестить Германцев, захватив с собой предварительно 4-х товарищей, по пути к нам присоединилась еще кампания—явились гармоники и

¹⁾ Братание после февраля отражено в письмах IX раздела.

изот с пением и пляской наша компания добралась до германских окопов. Разумеется вышли и германцы, поздоровались и пошла взаимная беседа через посредство переводчиков, шутки, смех, пляска под гармонику и проч.. Но вся беда в том заключалась, что не понимали друг друга, скажешь кому либо из германцев „Вы по русски понимаете“ он только пожмет плечами и больше ничего. Я подошел к одному молодому германцу-стоявшему отдельно от других — обмерили друг-друга взглядом, он посмотрев на меня-вдохнул и сказал по русски „да скверно“ я его спросил, а что скверно, но больше этого слова ничего не мог добиться от него—бормочет, что то сказать хочется, а ничего не выходит. Как хорошо Веруся как отрадно сделалось на душе от такого неожиданного события-в-самом то деле удивительно как-то. Сошлись люди которые за несколько часов перед этим старались как бы удобнее выбрать момент поразить друг друга смертоносной пулей, не знаю сколько бы времени продолжалось это свидание враждующих сторон, каждому из нас не хотелось уходить друг от друга, хотелось подольше побыть в этом радостном, мирном настроении но пришли германские офицера и наши скомандовали к местам, мы разошлись и всему конец. Завтра опять засвищут пули, снаряды, будут слышны стоны раненых и умирающих, ну к чему же все это к чему этот ад к чему это убийство, ведь каждый сознает, что делает что то плохое, недостойное человека, а между прочим какая то движущая сила влечет к этому. Да между прочим задавали Германцам вопросы долго ли их Вильгельм будет воевать они сказали, что года 2, один наш офицер велел передать, что наш Николай Николаевич (Команд. Войсками) 3 года будет воевать, что на них неприятно подействовало. Это было видно по унылому выражению их лиц.

23 марта 1915 года.

И. А.

177 Изборский полк.

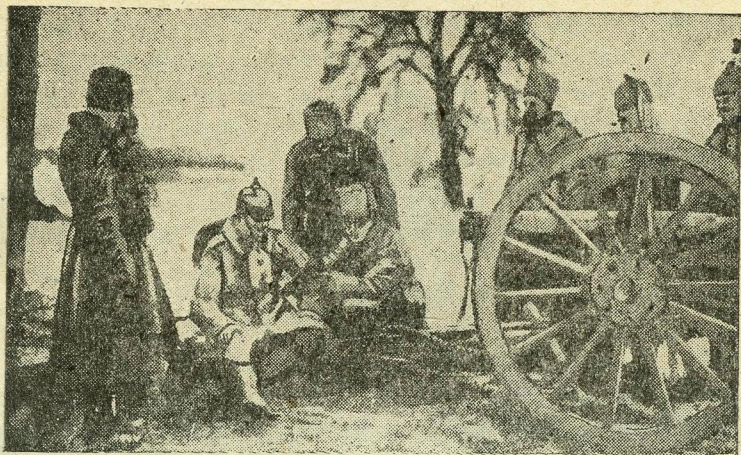
№ 3.

ПАВЛУ ИЗАНОВИЧУ. НАТКОВУ

Уфа.

Наши солдаты и австрийские солдаты напротив нашего полка друг с дружкой сходятся вместе и днем и дают руки и разговаривают, а потом расходятся и нашим солдатам дают понемножку водочки. Они приглашали нашу полковую музыку на их полковой праздник. Это все правда.

3 января 1916 года.

Товарищеская беседа русских солдат с немцем.

Австрийские и русские солдаты за общим обедом.

№ 4.

ПЕЛАГЕЕ АНДРЕЕВНЕ ЗАХАРЬИНОЙ.

Челябинск.

Скоро ли будет мир Пел. Андреевна, а то что то очень страшно при виде всего этого; между солдатами нашими и немецкими отношения стали очень хорошими и нашим солдатам и немецким уже страшно надоела война, и все ждут мира, у всех солдат одно мнение, даже солдаты говорят, что мы на рождество ходили к немцам в гости в окопы, и они их угощали водкой и колбасой и уходили друзьями, в плен теперь немцы идут охотно, а так же и наши к ним, как рассказывают солдаты участники боя.

Подписи нет.

289 Кротовский полк 6 рота.

№ 5.

В первый день Св. Пасхи на передовых позициях наши солдаты и австрийские солдаты выходили к проволочным заграждениям и поздравляли друг друга с праздником причем наши солдаты дарили австрийцам белый и черный хлеб, яйца, куличи и другие съестные продукты, что принималось австрийцами с большою охотой, но отдарить наших тем же они не могли, а потому в свою очередь дарили преимущественно папиросы, табак и даже водку. Сходились у проволочных заграждений. Обе стороны рассматривали друг друга с любопытством и в заключение снялись на фотографии группами. Австрийцы спрашивают скоро ли будет мир. Австрийцы говорят, что наши пули много наносят им смертельных потерь. По случаю праздника первые три дня стрельбы не было с обеих сторон.

Подписи нет.

20 апреля 1916 года.

№ 6.

АЛЕНСЕЮ ЯКОВЛЕВИЧУ РЕШЕТОВУ.

Г. Балашиха

Многие солдаты ходили к немцам, они угощали их коньяком, колбасой и белым хлебом и к нам немцы приходили на пасху мы задержали несколько немцев, а на другой день наших много уже ушло да оттуда не воротились.

Подписи нет.

27 апреля 1916 года.

№ 7.
АНДРЕЮ ОСИПОВИЧУ НИКИТИНУ.

Казань.

Во время декабрьских боев у проволочных австрийских заграждений осталось не мало наших убитых солдат, которых убрать не представлялось возможности и вот вышли австрийские санитары и понесли их к нашим проволочным заграждениям. Земляки благодарили их. Вот эпизод.

Сын Николай.

20 декабря 1916 года.

№ 8.

ДАРЬЕ ФИЛИППОВНЕ ИГОШИНОЙ.

С. Надеждино.

Ежедневно грозит опасность смертельная, нахожусь в окопах, но спасибо австрийцы не стреляют, чуть не ежедневно сходимся с австрийцами, друг друга зовем братьями, дают папирос, табак у наших офицеров сходить не приказывают, а то пошли бы в их окопы сниматься на карточки. Они желают очень мира, но наши не мирятся и желают говорить продолжать кровопролитие.

Игошин.

№ 9.

НИЛЬЕ ЕРМОЛАЕВИЧУ ШИШИНУ.

Была тишина временная, солдаты вылезли даже из окопов, немцы тоже и начали разговаривать. Немцы у нас просят хлеба, наши дают, а в обмен берут у них папиросы или сигары, прямо совершенно по дружески, немцы говорят, что не хотят воевать. Да, мир для нас необходим, уж слишком надоело это дело.

Подписи нет.

6 января 1917 года.

РАЗДЕЛ VII-й.

БУНТЫ И ВОССТАНИЯ В АРМИИ.

№ 1.

Дела наши не завидные только не с турком, а совсем дело отдельное. Начинаются бунты и все из за того что солдату одним словом ничего не стали давать. Черного хлеба единственный один фунт, а службу требуют. На что пришли теперь на отдых, гоняют везде на разные работы на занятия, одним словом не дадут солдату даже пообедать и вот через это и взбунтовались одним словом вся наша дивизия. В Кубанском полку и в Дербенском побили офицеров, а в нашем еще нитак, но дело все разыгрывается, так что тоже идет к тому.

25 марта 1916 года.

Гаврил Романов.

№ 2.

ХАРИТОНУ ИСАЕВУ СТАРЦЕВУ.

С. Грязнуха.

Новости у нас такие: мы были на первой позиции, нас потребовали в г. Соракамыш для усмирения. Когда мы ехали, мы думали, что едем на отдых. 16 марта нас погнали в город усмирять 2 полка Кубанский и Грузинский и когда нас выстроили, приказали стрелять; раньше в семи верстах поставили орудия, как ставили в боях. Когда мы узнали почему они забастовали, никто не выпустил ни одного патрона, тогда нас отставили, пригнали казаков, казаки тоже отказались и оба полка тогда отправили на переднюю позицию, а там приготовили 3 роты „крестиков“, они начали стрелять в эти 2 полка, им скомандовали наступление, они заметили, что это не неприятель и без всякой команды открыли свои окопы и убили 500 человек наповал и 300 ранили из этих „крестиков“. Когда услышал Николай Николаевич, поехал 21 марта на расправу.

12 апреля 1916 года.

Подписи нет.

№ 3.

ИВАНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ВОЛКОВУ

Пенза.

У нас на фронте идут небольшие восстания: очень нас сильно притесняют, работой мучат день и ночь, так что нашему брату нет

никакого отдыха и т. д. Пища очень плохая, так что часто едим рыбную мурцевку. И так у нас некоторые роты не стали уже принимать рыбный обед, а в 45 полку там уже и кухни немного положили. Когда на этот шум прибежал командир полка, хотел усмирить самоуправством, то его успех был без всяких результатов, и сам только что мог ноги свои убрать, а через эту муру 53 полк 13 дивизии не пошел в наступление. Три раза было приказание идти в наступление, но он не пошел. Вообще вся 13 дивизия бастует, так что всем притесняют, а еду дают плохую.

Ваш сын В. В.

22 мая 1916 года.

№ 4.

МАТВЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЧУМАКОВУ.

Сл. Рудня.

Дорогой мой дядя у нас идут сильные бунты так что у Тифлиса разбили весь город и хотели убить Николая Николаевича но он убежал.

Подписи нет.

17 июля.

№ 5.

ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ НАРЕЖНЕВУ

Ст. Три-Острова.

Затем наши забастовали и не пошли в наступление, а сейчас не можем никак „найтись“. Многие части не пошли в наступление, а наши полки тоже не пошли, но их куда то угнали от нас.

Подписи нет.

28 октября 1916 года.

№ 6.

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

Саратов.

Еще я пропишу тебе, что на позиции дело плохо: не хотят наступать. Харчи тоже плохие. Все говорят, что не победим. У нас в роте случился бунт, сменили ротного командира, всех отделенных и взводных. Теперь нам стало еще гораздо хуже.

Павел Шевченко.

121 полк 4 рота.

№ 7.

Напишу Вам известье: В нашей батарее солдаты убили взводного Фейерверкера; он был таким злым и строгим к солдатам, вот они его и успокоили.

Петр.

№ 8.

Л. У. МОШКО.

Казань.

У нас теперь плохо, наш воинский уехал и управление наше передал Холмскому воинскому начальнику, то этот сукин сын нас очень греет, так что даже невозможно, работаем в управлении до 2 часов ночи, и за чтонибудь строгим арестом карает, или же под ружье ставит на три часа, навешает 80 фунтов на плечо и стой даже нельзя тронуться с места, а то под суд попадешь. У нас троих офицеров убили солдаты, двоих солдат сейчас расстреляли, а те остальные скрылись куда неизвестно.

Ф. Мошко.

№ 9.

ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ ИЗГАРЕВУ.

Г. Балашев.

Наверно еще воевать, но уже солдаты много отказываются. Сибирский полк хотели послать в наступление, они отказались, говорят что в наступление не пойдем и никого не пустим.

Изгарев.

28 ноября.

№ 10.

МАТВЕЮ СТЕПАНОВИЧУ ШИШКИНУ-ВЫСОЧКИНУ

С. Александровка.

Ну мой милый товарищ, стало великое возмущение в войсках, так что хотели было сделать наступление но солдаты не пошли. Сменили три дивизии. Сейчас стоит тишина. Очень надоела всем эта война.

Григорий Матвеев.

1 декабря 1916 года.